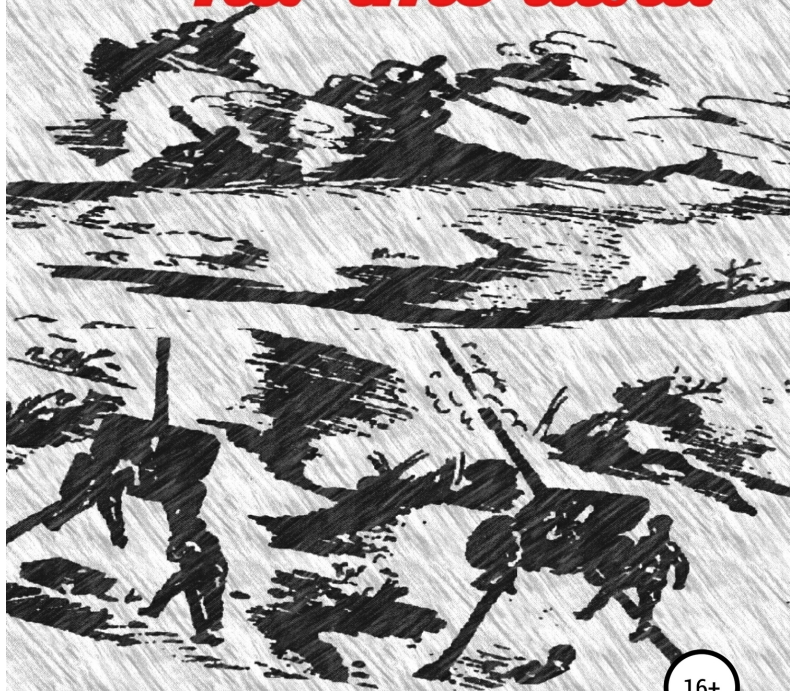

Леонид Апокин
Иван Свертилов

**Мы знали,
на что шли**

Людиново - Петербург

16+

**Леонид Николаевич Апокин
Иван Алексеевич Свертилов
Мы знали, на что шли**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55560943

SelfPub; 2020

Аннотация

Воспоминания участника Великой Отечественной войны, прошедшего с боями от Сталинграда до Берлина.

Содержание

Ивана Свертилова

7

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Иван Свертилов

Судьба

Ты, Судьба, изменчивой бываешь,
От тебя пьянеешь без вина
Ты приходишь быстро и неожиданно
Как пришла проклятая война

Воевал за Родину, за счастье
И не раз – с пробитой головой
Орошая кровью землю русскую,
Я гордился, Родина, тобой!

Умывались мы свинцовой пылью,
Ели через день и через два,
Утопали мы в болотах Пинска-
Шла великая, народная война

Приглуши свой звон моя гитара,
Не тревожь напрасно ран моих.
Выпьем мы за тех, кто отдал жизни,
За друзей-товарищей своих.

Память сохраним о них навеки,
Подвиги их вечно будут жить,
Ведь они добыли нам Победу,
Чтобы мы ценили больше мир

Воспоминания ветерана войны

Ивана Свертилова

Глава 1. Детство

Родился я в семье рабочего в 1922 году в посёлке Су-кремль города Людинова. В семье, кроме меня, было ещё два брата: Дмитрий- 1924 года и Вениамин – 1926 года рождения. Жили мы вместе с дядей Тимофеем, под одной крышей одиннадцать человек. Кое-как размещались в небольшом домике. И вот мой отец Алексей Афанасьевич, и дядя Тимофей (родной брат отца) решили разделиться. Я и моя двоюродная сестра Шура тянули из шапки жребий. Мы были с Шурой одногодки, но она оказалась удачливее меня и вытащила счастливый жребий – остаться в доме на улице Королёвке (ныне – им. Куйбышева). А нам предстояло отстроить новый дом на Прогоне (ныне улица Толстого, в районе агрегатного завода). Трудно было, рассказывала мать Анна Никитична. Хлеба вволю не было, и только корова, доставшаяся нам при делёжке, во многом выручала нас. Борщ из щавеля или крапивы всегда был забелён молоком; сахар же и пряники были лишь по большим праздникам. Дом построили в течение года. Лес был рядом, его рубили и сразу же, на месте, собирали сруб. Время шло. Мы – дети – подрастали. Отец, при случае, говаривал матери:

– Нюра, у нас с тобой растут три сына – три богатыря. Не пропадём,

То время действительно было трудным, и не только для нас, но и для всей страны. Гражданская война оставила разруху, голод, холод – отсюда и всевозможные болезни.

Хотя мы жили и бедно, зато весело. Отец в духовом оркестре играл на трубе, которую часто брал домой. Бывало, залезет с трубой на печку – и давай репетировать на весь дом. Да что там на весь дом – на всю улицу было слышно, как он дудит на своей трубе. А мы, ребяташки, про желудки свои пустые забывали: музыка отца нас веселила и согревала.

Очень скоро отец умер, это случилось в 1929 году. Тогда мне было всего лишь семь лет, но многие заботы по дому легли на мои плечи. Мать уходила на работу затемно, а возвращалась, поздно. Всё старалась побольше заработать, чтобы как-то прокормить нас, троих,

Однажды – а было это в 1933 году, – чтобы как-то утолить голод, я забрался в соседний сад. Нарвал целую пазуху яблок, ещё недоспелых, и мы их все разом и съели, а через одиннадцать дней от дизентерии умер брат Митя.

Горе было большое, а виновным в смерти брата я считал себя и считаю до сих пор.

Но две беды – говорят, ещё не беда. Случилась и третья – под поезд попала корова, наша кормилица. Для семьи это было большим ударом. Мать, в горе, всё время причитала: «Как же мы теперь жить будем?»

Про молоко пришлось забыть. Щи из щавеля или крапивы ели уже не забелённые молоком, а с хлебом было совсем

плохо. И действительно: не знаю, что бы мы делали, как жили дальше, если бы не земляки, жители нашей улицы. Они собрали для нас сколько-то денег, немного мы выручили от продажи мяса коровы и купили тёлочку, Через два года она стала коровой. Появилось молоко, и мы зажили по-человечески. С хлебом стало повольней, да и каша начала появляться на столе. За хлебом мы ходили в магазин – за плотину (ныне улица Маяковского). Очередь занимали с вечера и всю ночь её поддерживали, сменяя друг друга. Когда, наконец, заполучишь долгожданную буханку хлеба – несёшь и смотришь на неё, как на дорогую вещь. Голодный желудок толкает на «подвиг». Бывало, не удержишься и съешь немного верхней корочки. Мать поворчит для острастки, даст подзатыльник – на этом наказание и кончилось.

В те времена тоже находились подлецы и негодяи. Однажды, как только открыли магазин, двое верзил стали наводить очередь, и один из них (это был Кабанов Николай, в период Отечественной войны служил у фашистов в полиции) выбросил меня из очереди. Я с негодованием смотрел на этого мерзавца и втайне поклялся отомстить ему. В этот день мы все остались без хлеба. После войны, в 1955 году, мне встретился этот негодяй, и, если бы он не убежал, не знаю, что было бы. Но вскоре он умер.

Время шло, жизнь становилась всё лучше и лучше, хотя матери по-прежнему было трудно. Она так же рано утром уходила на работу и возвращалась только поздно вечером.

Как говорила сама мать: «Работать начинала и кончала под свет лучины».

В 1936 году, когда мне исполнилось 14 лет, нас постигла новая беда – четвертая по счёту. В Банышевском болоте (где ныне агрегатный завод) утопла и эта наша корова. Жители всей улицы помогали нам вытянуть её из болота, но сразу сделать этого не смогли, а лишь на третий день корову вытащили. Но нам сказали, что её надо закопать, так как мясо в пищу непригодно.

Сколько же бед бывает обычно отпущено судьбой одной семье? Для нашей семьи и этого было предостаточно. Мать от пережитого преждевременно состарилась. Купить корову мы больше уже не смогли. Если бы в то время у матери не было помощницы – не знаю, как бы мы, жили дальше, кто бы за нами присматривал. Но такой человек был – моя вторая двоюродная сестра: Шура Апокина (а ныне Лосева Александра Никифоровна). Она была старше меня на восемь лет и во всём помогала матери. Для нас с братом она была и сестрой, и няней. В Великую отечественную войну она сражалась с фашистами в составе Клетнянского партизанского отряда, после войны была на партийной работе. В настоящее время – на заслуженном отдыхе.

Чтобы как-то сгладить недостаток в доме, мать иногда давала нам деньги на кино. Кинофильмы тогда были немые и сопровождались игрой струнного оркестра, который мне очень нравился. В оркестре играли два брата и сестра Фоми-

ны: Николай, Пётр и Татьяна. Клубом заведовал Алексей Николаевич Игнаткин (во время Великой Отечественной войны заместитель командира батальона по политической части, а после войны – работник горкома КПСС).

В 1937 году меня приняли в комсомол. У меня было много друзей и товарищей. С нами проводили военизированные игры, мы сдавали нормы на значок ГТО. Изучали противогаз, учились стрелять из малокалиберной винтовки, занимались в различных кружках. Меня увлекли футбол и художественная самодеятельность. Кружком художественной самодеятельности руководил Морозов Илья Михайлович. В спектакле «Альбина Мигурская» я играл роль стражника царской охраны. В пьесе рассказывалось о революционерах, которые боролись с царским самодержавием. Вся наша молодежь того времени была связана между собой всевозможными кружками, общими играми и походами.

Нашему поколению предстояло встать на защиту Отчизны.

Глава 2. Сталинград

Закончив в 1942 году в городе Ирбите Смоленское артиллерийское училище в звании лейтенанта, я получил направление в Сталинград, в 62-ю армию генерала Василия Ивановича Чуйкова.

Город раскинулся вдоль берега Волги на несколько десятков километров. Он напоминал огнедышащий котел, где от

мощных взрывов бомб, снарядов и мин плавился металл, и, казалось, горела земля. Город был в огне. Круглые сутки он подвергался налётам. Днём его бомбили мессершмитты и тяжёлые бомбардировщики, а ночью – итальянские «кукурузники». Автоматный огонь и пулеметные очереди пронизывали город вдоль и поперёк трассирующими пулями.

Берег Волги, от мельницы и баррикадного завода до тракторного завода, защищала 62-я стрелковая армия. В районе баррикадного завода держала оборону наша 95-я стрелковая дивизия полковника Горишного, куда входил наш 161-й стрелковый полк.

Глава 3. Переправа

15 октября 1942 года. Ночь. Медленно опускаются маленькие парашюты. Город просматривается на многие десятки километров. При таком освещении свободно можно было, и писать, и читать, а трассирующие пули, пронизывающие город вдоль и поперек, определяли местонахождение противоборствующих сторон.

В ожидании переправы, я мысленно готовился встать на правый берег. При виде того, как всё рушилось и горело, по телу невольно пробегала дрожь.

Катер миновал половину пути, когда над нами прошипели снаряды первого, а затем и второго залпа фашистских батарей. Был перелёт, и от глухого взрыва волны только слегка качнули палубу.

Правый берег был высокий и крутой. Здесь располагались тыловые части дивизий, полков, санбаты и санроты. Здесь же был и командный пункт генерала В.И. Чуйкова. Все они были врыты и оборудованы в отвесной стене берега. Это давало возможность не подвергаться обстрелу прямой наводки вражеской артиллерии. Но берег методично обстреливала тяжёлая артиллерия и круглые сутки бомбили.

Утром, получив от командира полка задание, мы втроем: я и связисты сержант Тулин и рядовой Красавин, направились в батальон капитана по фамилии Юра. Наша 76-я полковая батарея находилась на закрытых позициях за Волгой. Задача наша – изыскать цели противника и огнём батареи уничтожить при первом обнаружении. Цели были разные – скопление фашистов перед очередной атакой и огневые пулеметные точки, крытые в ДОТах и ДЗОТах, и просто замеченный дымок (кухни и т.д.). Несмотря на плотный пулемётный и автоматный огонь, нам, как правило, удавалось засесть и уничтожать вражеские цели, а если полностью и не уничтожали, то на долгое время заставляли их замолчать. Так продолжалось изо дня в день. Удерживая плацдарм и отбивая атаки фашистов, наши обороняющиеся воины наносили большой ущерб противнику. Укрепившись по всему берегу Волги и, несмотря на круглосуточные бомбовые удары и жестокие обстрелы тяжёлой артиллерии, воины наших частей стояли насмерть. Только погибшие и тяжелораненые могли – имели право – покинуть берег.

Вместе с бомбами, фашисты для устрашения сбрасывали на наши головы пустые просверленные железные бочки.

Большие потери несли мы от бомбовых ударов, и особенно крупные – от обстрелов тяжёлой артиллерии. Чтобы избежать этих неоправданных потерь, командование решило сблизить наш передний край с передним краем фашистов, путём подкопа. Подкоп вели только ночью.

Глава 4. Новый НП

А в это время, тщательно разведав и проверив стоящий впереди, в нейтральной зоне, полуразрушенный дом, мы перенесли свой наблюдательный пункт на лестничную площадку пятого этажа этого основательно разбитого дома. Теперь нами уже хорошо просматривались все подступ к фашистскому переднему краю. Мы легко и быстро засекали огневые точки и позиции тяжёлой артиллерии, минометов и наносили ответный удар. Кроме того, нами были пристреляны все дороги и подступы к переднему краю фашистов (цели N21, N22 и так далее). Машины, появляясь на пристрелянных подступах, как правило, уничтожались залпами батарей.

Фашисты несли ощутимые потери от огня нашей батареи. Огонь наносился внезапно, по ранее пристрелянным квадратам. Орудийные расчёты всегда работали слаженно и быстро, и в считанные секунды по команде открывали огонь, а снаряды, как правило, ложились точно в цель.

Во время таких обстрелов горели бронемашины, повоз-

ки, машины, замертво падали фашисты. Они понимали, что только с хорошего наблюдательного пункта можно так точно скорректировать огонь по их глубинным целям, и нас засекли.

Глава 5. Атака на НП

В развалинах нашего дома рвались мины. Нас спасали перекрытия, лестничные площадки и марши. В один из таких обстрелов небольшой осколок угодил мне в голову. К счастью, ранение оказалось лёгким, Убедившись в нашей живучести, фашисты двумя взводами пошли в атаку. Короткими перебежками, припадая земле, они открыли сильный автоматный огонь. Трое против полсотни фашистов – силы явно неравные, хотя наше положение было более удобным. Гранатами и автоматным огнём мы заставили фашистов остановиться, а затем и отползти в свои окопы,

И снова по-нашему НП фашисты открыли миномётный огонь, и вновь они поднялись в атаку. Вот они уже в квадрате, где находился наш НП. Квадрат был заранее мною пристрелян. Выход один: батарее вести огонь по своему квадрату. Почти одновременно и неожиданно для нас открыл огонь пулемётчик отдельной пулемётной роты Григорий Белошапка (в настоящее время живёт в Калуге).

Двадцать снарядов, разорвавшиеся почти одновременно, и сильный пулемётный огонь Григория Белошапки сделали своё дело. Почти все наступавшие фашисты остались лежать

замертво в квадрате, по которому так дружно ударили наши орудийные расчёты и пулемёт Григория.

В фашистские окопы полетели гранаты, что для немцев было большой неожиданностью. Вначале они приняли это за вылазку наших разведчиков, и только спустя некоторое время, когда гранаты продолжали рваться в их окопах, поняли, что русские путём подкопа сблизили свой передний край с их окопами. С этого и началась гранатная дуэль.

Глава 6. Не писанный закон

Нам теперь не угрожали бомбежка и дальнобойный обстрел, так как этого не позволяло расстояние между нашими окопами. В случае обстрела, опасности подвергались и сами фашисты.

С этого дня немцы решили «соблазнить» нас. Они призывали переходить к ним, «кушать смалец и колбас, пить шнапс», а в ответ слышали крепкие наши словечки. Такие «переговоры» происходили почти ежедневно, и выработался неписанный закон: в период наших «бесед» прекращалась стрельба с обеих сторон. Но стоило разговорам закончиться, как в ход снова шли гранаты.

Фашистские гранаты с длинными деревянными ручками, падая в окоп, прежде чем взорваться, несколько секунд шипели и крутились. Мы уже приноровились к ним. Если граната упала у твоих ног, немедленно хватай её и бросай обратно. Она взрывалась или в воздухе, или в окопе «хозяев».

Но однажды я не рассчитал: первую гранату успел отбросить, а осколок второй угодил мне в бровь.

Окопная война продолжалась, а тем временем Донской и Юго-Западный фронты заканчивали полное окружение фашистов в Сталинграде. По мере того, как кольцо окружения сжималось, заметно уменьшился обстрел наших позиций тяжёлыми батареями.

Глава 7. Кольцо окружения замкнуто

Фашистам больше не подвозили продовольствия и боеприпасов. Они сразу приуныли и попритихли. В их лагере началась голодовка. Чтобы как-то ободрить своих солдат и надеясь всё ещё на какое-то чудо, фашисты с транспортных самолётов пытались ночью сбросить им продукты питания и боеприпасы.

Сигнальные ракеты, выпущенные из немецких окопов, указывали летчикам, где сбросить груз, но вслед за ними в небо летели точно такие же ракеты из наших окопов.

Лётчики, введённые в заблуждение, делали дополнительно ещё два-три круга и сбрасывали контейнеры, уже не заботясь о том, куда и в какие окопы угодят посылки. Иногда они попадали и в наши окопы. Но если контейнер оказывался на ничейной земле, тогда фашисты, измученные голодом и холодом, не считались ни с какими потерями, чтобы завладеть контейнером. Завязывалось настоящее сражение, в котором, как правило, фашисты несли большие потери, хотя и дости-

гали иногда своей цели.

Доставка питания и боеприпасов транспортными самолётами длилась недолго и вскоре вообще прекратилась. Голод фашистов усилился, они поели всех собак в городе.

Обстрел наших позиций со стороны окружённой группировки окончательно ослаб.

Глава 8. Голод определяет поступки

Первое февраля 1943 года. День выдался морозный. Под ногами хрустел снег. Восходящее солнце и тишина наводили на размышления. Чувствовалась близость развязки Сталинградской битвы. С таким ощущением и в непривычной тишине прошёл весь день. Пушки молчали, неслышно было и автоматных очередей. Лишь изредка тишину нарушал высоко пролетающий самолёт. Все мы сидели открыто на бруствере своих окопов, наслаждаясь долгожданной тишиной и покоем.

Фашисты попрятались по блиндажам и подвалам: они тоже чего-то ждали. Ждали момента, чтобы выйти с поднятыми руками и на этом закончить для себя войну.

Вдруг, видим: со стороны наших окопов на расстоянии двухсот метров солдат ведёт коня. Под его седлом – попона, по бокам которой красные звёзды, Мы кричали и махали шапками, показывая, чтобы солдат вернулся, но бесполезно. Он шёл по ничейной полосе в направлении разбитого высотного здания.

Ещё больше нас удивило то, что когда солдат подходил к переднему краю фашистов, они не сделали ни одного выстрела.

И я понял: это был переодетый фашист. Фриц, сменив свой френч на нашу форму, прошёл на стыке наших батарей. Спустившись на берег Волги, взял первую попавшуюся лошадь и был таков.

В нашей обороне были большие неконтролируемые «окна», через которые и раньше прорывались фашистские автоматчики и безнаказанно обстреливали беспечно прохладившихся под прикрытием высокого берега солдат.

В такую ситуацию однажды попал и я. Два автоматчика, выскочив на берег, с его высоты открыли огонь. Я упал там, где стоял, и спасла меня впереди лежавшая рельса. Очередь прошла точно по рельсе, а если бы на 3-5 сантиметров выше, это был бы конец.

Фашист уже завернул за угол, и я дёрнул за шнур. Дым от взрыва рассеялся, а упавшую лошадь уже тянули в проём дома.

Глава 9. Последние залпы на Сталинградской земле

Рано утром второго февраля 1943 года залпы артиллерийских орудий и миномётов известили всему миру о крахе фашистской группировки в Сталинграде. Взрывы снарядов, мин и бомб слились в один монолитный гул. Солдаты перед-

него края стояли во весь рост и смотрели, восхищаясь силой нашего оружия.

Под огнём артиллерии оказались и передний край, и глубокий тыл фашистов. От взрывов звенело в ушах, вблизи почти ничего не было видно. Фашисты попрятались в подвалах и не ответили ни одним выстрелом.

Не успели отгреметь последние залпы, как мы вбежали в подвал, куда накануне втащили убитую нами лошадь. Стол, сколоченный из досок, был уставлен котелками, из которых шёл пар. Пахло только что сваренной кониной. Внезапный артобстрел помешал фашистам приступить к завтраку. У дальней стены подвала, подняв руки, стояли немцы. Их было около двухсот. Солдаты и офицеры, плотно прижавшись друг к другу, жадно смотрели на стол. Ноги их были обмотаны рваными одеялами. Головы поверх пилоток также были обвязаны какими-то тряпками. Худые, обросшие, они выглядели как выходцы с того света. Многие не могли идти самостоятельно, их поддерживали, но не оставляли. Один из пленных так выразительно посмотрел в мою сторону, что я невольно согласно кивнул головой, и котелок моментально исчез со стола. За ним – второй, третий и все остальные. Загребая руками ещё не остывшую конину, немцы с жадностью её поедали. Русский человек всегда остаётся русским, да и, как говорит пословица, лежачего не бьют, – хотя фашисты, как я убедился в последующих боях, с этим не считались. Они убивали старых и молодых, женщин и раненых. Они

не гнушались никакой жестокостью, чтобы добиться победы.
Больных, малых и старых сжигали заживо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.